

ЧАСТНАЯ
ЖИЗНЬ10
СТР.

Поминальная молитва

1994-й год стал горьким годом. Горьким потому, что нет с нами больше людей, которые однажды, но сразу и навсегда вошли в наши сердца с киноэкранов и сценических подмостков. Николай Крючков, Евгений Леонов, Олег Борисов, Сергей Бондарчук, Руфина Нифонтова... Какие имена, какие потери! И среди этих потерь - Иннокентий Смоктунувский. Великий Смоктунувский. Господи, не преумножай этот список в 1995-м...

Раньше все-таки были надежды... Например, когда лето приносило весть о смерти знаменитого артиста, была надежда, что это слухи. Аркадия Райкина они хоронили лет пять подряд. Владимира Высоцкого тоже лет пять. Но ты возвращаешься в Москву, звонишь - все в порядке, опять дурацкие слухи. Жив! Надежды оправдались. Теперь - не так. Услышал: умер Смоктунувский. И сразу ясно - это правда. И нет никаких надежд. Ужасная, горькая правда.

Да, в 1994 году умер не просто великий русский артист - умер миф. Смоктунувский - редкой красоты имя для сцены и для легенды. Иннокентий Михайлович Смоктунувский - редкой красоты актер. Актер, как говорили в старину, волею Божьей.

В нашу жизнь 50 - 60-х годов И.М. вошел сразу как символ, как синоним гениальности. «Оттепель» в стране, весна в крови, открыты души и окна нараспашку - ждали гения на сцене и экране. Князь Мышкин в «Идиоте» Г.Товстоногова взорвал зрительный зал театральной России. Такого еще не бывало: самый сложный образ сыгран так тонко, просто и легко, как будто с него, актера, Достоевский списал своего князя. Актеры и педагоги театральных школ взахлеб пересказывали впечатления: «он не ходит, он парит!», «он не текст произносит, у него действительно рождаются эти слова - на глазах у публики!», «это живое чудо: он так смотрит и так дышит на сцене, что никогда не знаешь, что он делает в следующую секунду».

Я учился тогда в лучшем российском театральном институте - при театре им. Евг. Вахтангова. Делом чести каждого молодого патриота нашей школы было задирать нос перед всеми прочими, несовершенными. Смоктунувский аннулировал все амбиции - всех мастеров, всех возрастов, всех школ.

Следующее потрясение - физик из «Девяти дней одного года». С первого фильма («Солдаты» по В.Некрасову, роль Фарбера) не было ученичества, не было ни на полкадра фальши или привычного киноприема. Все впервые, все - жизнь, и каждый жест, взгляд, слово поражали даже искушенных профессионалов.

Начало актерского мифа сразу было поддержано легендами о судьбе личности:

- Вы слышали? Говорят, Смоктунувский воевал, попал в окружение, даже был выведен под расстрел, но чудом остался в живых!

- А вы слышали? Смоктунувский-то с таким талантом, а как мыкался без работы, по всей стране - и на Волге, и в Норильске, и где только ни просился на сцену! Из милости давали десятки роли... Надо сказать, что одни слухи укрепляли легенду о великом артисте, но другие, которые поспешили прийти на смену первым, хотели, да не смогли легенду разрушить. Я думаю, поспешность сплетников - от неумения объяснить непохожего человека. Смоктунувский с первого до последнего дня жизни был самым непохожим. Теперь все, что вызывало неприязнь или усмешку, сегодня будет смело приписано странностям гения.

В 1967 году театр на Таганке гастролировал в Ленинграде. Молодые актеры, мы были поражены точностью и силой реакции интеллигентной публики. А у меня лично, счастливого ролями, друзьями, успехами, произошел случай, все успехи заглушивший.

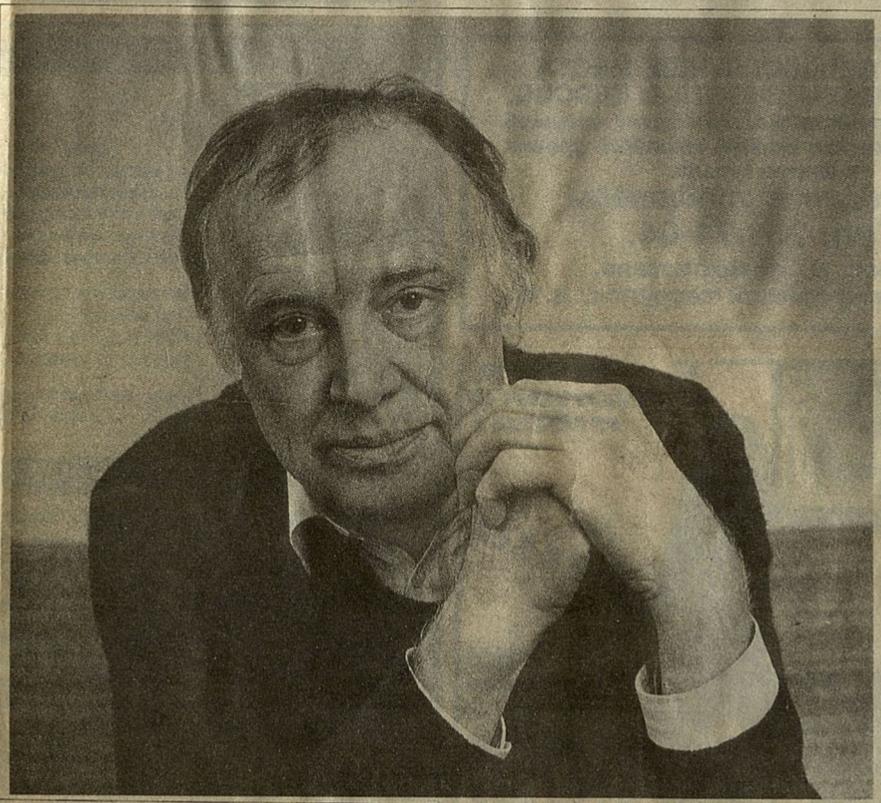
На служебном входе Дворца Культуры на Театральной площади после спектакля «Жизнь Галилея» стоял сияющий Смоктунувский, всем актерам жал руки, всех хвалил, а потом увел меня на улицу и... проводил до гостиницы - не специально пошел провожать, а просто был возбужден, двигался вместе со мной. Я не знал, на каком я свете, мне было, кажется, неловко перед прохожими (его многие узнавали), но всего более смущали меня потрясающие слова артиста: о спектакле и обо мне.

В брехтовском «Галилее» я играл комическую роль куратора, играл законченного придурка с дефектом речи... И.М. уверял, что трижды, пока я скандалил с Галилеем - Высоцким, он от хохота падал под стул и оттуда досматривал мои сцены... Меня потом кос-кто успокаивал: не верь ему, он всем говорит комплименты.

Но я почему-то предпочел поверить. Впоследствии я много раз приглашал И.М. и его жену Саломею Михайловну на свои премьеры. И почти всякий раз, за традиционным ужином в честь спектакля, И.М. связывал новые впечатления с памятью о комическом типе из Бертольда Брехта.

На премьере таганковского «Гамлета» Смоктунувский в зале был всеми особо отмечен - и как живой кумир, и как прославленный Принц Датский из фильма

Вениамин Смехов

НЕПОХОЖИЙ
ЧЕЛОВЕК

Г.Козинцева. Пусть говорят что угодно об умении И.М. ласково лицемерить похвалами, но никто, как он, не мог бы так вскопчить с места в финале и, забыв о регалиях и возрасте, плача и крича «браво», воодушевлять зрительный зал. Никто другой не пошел бы, зная цену мировой славе своего Гамлета, по примерным, по всем переоседающимся и вспотевшим жильцам кулис, не целовал бы всех подряд, приговаривая нестолово «спасибо, милый друг, вы были гениальны», - всех, включая электриков и рабочих сцены, сгоряча спутав их с актерами.

Ночью, выпивая и закусывая у меня дома со своими друзьями-финнами, И.М. сумел убедить меня в серьезной подоплеке своих восторгов. Он удивил мудрым счетом к фильму, беспощадностью своего огорчения...

«Я же умолял Козинцева не делать из меня красавца, не играть трагедии из чужой роскошной жизни! Вот вы и доказали, что я был прав! Вы играете так, что публика забывает о классике и старине! Ошибки ваши меня не интересуют! Это живые, настоящие чувства, как настоящий этот петух слева от меня... Как он бился, как он рвался улететь! Я у вас тоже играл - это я был петухом, рвался и орал: «Козинцев - м...!» Нецензурность слова вполне соответствовала нетипичности волнения.

После «Часа Пик» И.М. произнес памятное признание: «Вот теперь Любимов, кажется, начал работать с актерами, начал отделять характеры, а не только

потрясать зал звуком и светом. Я бы, наверное, сейчас согласился играть у Юры... Но только, извини, прыгать и мотаться на маятнике, как ты, я бы отказался...»

В тот вечер Смоктунувский весело подтвердил: да, он когда-то стучался в двери долюбимовой Таганки. И он, и Евгений Лебедев, и их обоих не приняли в труппу тогдашнего театра Драмы и Комедии... «Потому что мы показались плохими артистами! Меня часто называли заумным, чудаческим и малоспособным...»

ния. Он появлялся в студии на улице Станкевича не за минуту, как большинство, а за час. И без показухи (вопреки сплетням), а из соображений личного комфорта вынимал из сумки тапочки (чтоб не заскрипеть башмаками) и термос с чаем и молоком...

В 1989 году снимался фильм «Ловушка для одинокого мужчины». Иронический детектив по французской пьесе. Мои прекрасные партнеры, как и я, уже имели приличный опыт на сцене и экране, все как один отдавали экрану испытанные средства внешней и внутренней выразительности.

И опять меня удивил И.М. Для роли жулика-клошара он приготовил совершенно новые и, как показалось на съемке, невыигрышные краски характера. Какис-то дикие ужимки, нелепые интонации (в одной фразе голос его кувырчался то тенором, то баритоном, то фальцетом)... Молодец Алексей Корнев, режиссер, он не усомнился в интуиции и опыте мастера. А Смоктунувский теребил оператора А.Мукасея: вышло? я не переиграл? В том-то и фокус, что часто на площадке кажется корявым то, что на экране - выигрывает.

Съемки были в Ялте, где всех тянуло к отдыху и спокойному режиму работы, а И.М. приехал на 2 дня, с утра до ночи мудрил, прикидывал и зубрил. Дурачился в гостинице перед выездом: «Давай махнемся ролями? Твоя интереснее, а?» Я согласился: «Вам же хуже: я ведь ни своего, ни вашего текста не знаю, а вы-то, небось, как всегда...» Он вздохнул в ответ: «Да, как всегда». Он знал всю роль так, будто отыграл ее на сцене своего МХАТа раз сто.

Если в том краю, куда ушел навсегда Смоктунувский, мне придется ответить ему лично, какие его роли меня больше всего восхитили, я отвечу так: Мышкин, Куликов («Девять дней...»), Деточкин («Берегись автомобиля!») и еще одна, которую увидеть повезло мне одному.

Однажды И.М. защищал интересы моей большой семьи. Знаю - я один из многих, кому элегантно, сердечно и легко помог он. Но сейчас я говорю об актерской стороне дела. За два часа перед нашей поездкой к важному начальнику из Моссовета Смоктунувский подробно допросил меня: как кого в семье зовут? сколько лет теще? чем он знаменит? что выгоднее подать в разговоре? сколько метров в каждой семейной ячейке? Дома перед выходом нас благословила на победу до слез трогательная Саломея Михайловна, подала И.М. пальто - «специальное, красивое, представительское». Тут я начал трястись от волнения: такая подготовка! такое пальто! Но то ли было дальше... И.М. вошел в кабинет начальника, как Ангел Доброй Вести. К нему и к его лауреатскому значку кинулся чиновник, даже не кивнувший при этом мне, обыкновенному.

Иннокентий-Ангел немедленно принял-ся очаровывать хозяйка кабинета. А я зажмурился и зажался. Я такого никак не ожидал. Изумительно сверкая улыбкой, великий артист убедил начальника в два счета - что я таких-то высот покоритель (в искусстве), что семья моя - это гордость всей страны Советов, что метров столько-то, а орденов и заслуг у тещи столько-то... Он жонглировал именами, цифрами, эпитетами, снова цифрами... Как он мог столько удержать в голове!

...Я вез И.М. домой, мы заехали в школу за его дочкой Машенькой, а когда я очухался от впечатлений, то спросил Смоктунувского: «Откуда такие познания в дипломатии и неужели за два часа пролога возможно столько удержать в памяти?»

И.М. обворожительно изумился: «Дорогой мой, у меня ведь одна профессия, и нет другой! Я вынужден относиться серьезно каждый раз! Как я мог перед этим... долдонить быть самим собой? Я обязан был сыграть такого же... из его же круга... а как иначе?»

Чиновник не сделал ничего из того, о чем его просили, но это неважно. Я его все равно люблю: мы оба были зрителями уникального спектакля. Одного Артиста.

...Я вернулся в Москву, но у меня не было шанса надеяться на прежнюю роскошь: позвонить и узнать, что во всем виноваты дурацкие слухи. Раньше были надежды. Ныне умирают мифы.